

УДК 811.161.1'38

С.Л. Попов

**ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ
И ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

Попов С.Л.

ФУНКЦІЇ ГРАМАТИЧНОЇ ВАРІАНТНОСТІ ТА ГОЛОВНА УМОВА ЇХ РЕАЛІЗАЦІЇ

У статті розглядається важливе питання теорії граматичної варіантності, від вирішення якого залежить розуміння основного призначення альтернатив в граматиці. Висувається положення про дві функції граматичних варіантів: імперативне впорядкування та диспозитивне добудовування, – і про умову їх реалізації: комунікативну потребу.

© С.Л. Попов, 2013

Ключові слова: практична стилістика, грамати́ка, кому́нікація, варіантність, імперативність, диспозитивність.

Попов С.Л.

ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ И ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается важный вопрос теории грамматической вариантности, от решения которого зависит понимание основного предназначения альтернатив в грамматике. Выдвигается положение о двух функциях грамматических вариантов: императивном упорядочении и диспозитивном достраивании, – и об условии их реализации: коммуникативной потребности.

Ключевые слова: практическая стилистика, грамматика, коммуникация, вариантность, императивность, диспозитивность.

Popov S.L.

FUNCTIONS OF GRAMMATICAL VARIANCE AND THE MAIN CONDITION FOR THEIR IMPLEMENTATION

The article addresses the important question of the theory of grammatical variance, on the solution of which depends the understanding of the main purpose of alternations in grammar. A provision about two functions of grammatical variants is put forward: the imperative ordering and dispositive adding – and the condition for their implementation, namely the communicative demand.

Keywords: applied stylistics, grammar, communication, variance, mandatory, discretionary.

Сфера языковой вариантности интересует лингвистов более полувека, и в отношении этой сферы сформировались две достаточно контрастные позиции: К.С. Горбачевича и его последователей, признающих вариантность лишь в пределах тождества слова, в результате чего вариантными считаются только фонетические и морфологические колебания нормы [12], и Л.К. Граудиной и ее единомышленников, расширивших понятие вариантности включением в него явлений словообразовательных (описаны Л.П. Катлинской) и синтаксических (описаны В.А. Ицковичем) [14]. С подходом Л.К. Граудиной, Л.П. Катлинской и В.А. Ицковича коррелирует подход Д.Э. Розенталя [26] и представителей его школы: И.Б. Голуб [11], Г.Я. Солганика [29], Ю.А. Бельчикова [3], – описывающих трудные случаи колебаний морфологических и синтаксических (но, к сожалению, не словообразовательных) норм и в основном избегающих термина «варианты».

При понимании вариантности как не выходящей за рамки слова ее уменьшение несомненно. Например, В.В. Виноградов еще в 1944 году обращал внимание на то, что в «Словаре Академии Российской» (XVIII век) абсолютно синонимичными считались слова *хлестать* – *хлытать*, *строгать* – *стругать*, *пугало* – *пужало*, *почва* – *пошва*, *пускать* – *пуцать* [8, с. 46-47]. О.С. Ахманова в 1957 году приводит примеры таких фонетических вариантов: *бакен* – *бакан*, *крынка* – *кринка*, *цистерна* – *систерна*, *шхуна* – *шхуна* и др. [2, с. 197]. Подобные примеры Р.П. Рогожниковой даже можно считать регулярными: *кентавр* – *центавр*, *кельты* – *цельты*; *душегуб* – *душегубец*, *женолюб* – *женолюбец*;

смородиновый – *смородинный*, *яблонево́й* – *яблонный*; *орлиный* – *орлий*, *волчиный* – *волчий* [25, с. 15, 91, 95, 114, 124-127]. Но очевидно и то, что из приведенных пар сохранилось только по одному слову.

В.В. Веселитский на лексическом материале показывает, что в истории русского языка XVIII-й – начало XIX-го веков были периодом полиномии. Например слово (и термин) *масса* утверждается в русском языке лишь к концу XVIII века, а «до этого разными авторами предлагались и использовались в данном смысле различные слова и выражения – *куча*, *глыба*, *грогада*, *собрание вещества*, *толща* и т. д.» [7, с. 31]. Примеры дублетности терминологии в Петровскую эпоху приводит Г.И. Шкляревский: *оник*, *нуль*; *плоскость*, *поверхность*, *площадь*, *верховность*, *равность*, *равнина*; *полнолуние*, *полномесечье*; *помрачение*, *потемнение*, *затмение*; *частица*, *атом*, *корпускул*, *пункт*, *монада* [31, с. 21]. Разумеется, наблюдалась и дублетность грамматических форм. Так, в исследовании М.Л. Ремневой говорится, что «уже в старших памятниках церковнославянского языка русского извода формы аориста и перфекта могли употребляться в одинаковых контекстах и выражать одинаковые значения: и аорист, и перфект могли употребляться в одинаковой функции», то есть «в неответственных контекстах в памятниках книжно-литературного языка Древней Руси XIII в. аорист и перфект являлись полными грамматическими синонимами». Как справедливо замечает М.Л. Ремнева, это первые грамматические дублеты, «для которых в процессе эволюции системы возможно либо исчезновение одной из форм, либо стабилизация обеих вари-

антов с последующей дифференциацией их использования» [24, с. 7]. Так что в определенном смысле можно смело говорить о том, что количество именно таких – в пределах тождества слова – вариантов уменьшается вполне закономерно: между ними не выработались семантические, стилистические или функциональные различия, на которых и основывается сосуществование вариантов норм [19].

В настоящее время, преодолев заблуждения, связанные с признанием вариантности явления, портящим язык (см. об этом [20, с. 54]), большинство лингвистов склонно считать, что благодаря вариантам язык развивается: «Вариантность в грамматике живого языка – это извечная форма ее развития» [13, с. 113]. Однако глубже этого общего утверждения теория вариантности проникает лишь эпизодически. Целью настоящей статьи является уточнение функций вариантов в грамматике и условий реализации грамматическими вариантами этих функций.

Начнем с того, что трудно не заметить: с бинарности грамматических вариантов. Еще С. Карцевский заметил, что «в области грамматики подразделения происходят всегда попарно, и две соотносительные значимости противоплагаются как контрастные» [16, с. 89]. Склонность к бинарному членению проявляется с очень давних пор, например в праиндоевропейском грамматическом делении имен по признаку активности-инактивности и в таких семантических оппозициях, как животный-растительный, дикий-недикий, говорящий-неговорящий, двуногий-четвероногий, смертный-бессмертный, земной-небесный и другие [10, с. 465-481]. Вяч. Вс. Иванов возводит бинарность к самым первым познавательным актам человечества, результаты которых запечатлены в такой предтече современных семиотических систем, как наскальная живопись. Характерной особенностью познанных таким образом сущностей, например мужского и женского начал, соответственно ассоциировавшихся с правым и левым, черным и красным, лошадей и бизоном, как и показанных выше фактов индоевропейского языка, во многих случаях является их оценочность, нередко противоречивая. Таковы, например, и почитание близнецов, и страх перед ними. «На более поздних стадиях близнецного культа близнецов почитают, но один из них связывается с отрицательным рядом в двоичной символической классификации. Парные символы близнецов воплощают две полярные противоположности. ... Системы, на которых основаны ритуалы, ритуализованное (предопределяемое жесткими правилами) поведение и мифология в элементарных обществах строятся на двоичных противопоставлениях того же типа, что и наборы различительных признаков для описания языка» [15, с. 84-96]. Диаметрическое противопоставление

признаков познаваемого есть наиболее простая операция человеческого интеллекта, и эта простота обеспечивается не чем иным, как легкостью восприятия (заметностью) диаметральных противоположностей. Следовательно, бинарное членение действительности есть прямое следствие поверхности восприятия: познающий субъект постепенно членит действительность всегда по одному, наиболее заметному признаку (о предлагаемой нами и применимой к лингвистическим фактам градации степеней восприятия – см. [23]). И поскольку операция такого членения в процессе эволюции человечества и его коммуникативных систем не исчезает (не «перерастается») с возрастом как детская болезнь, поскольку все уровни языков содержат в большинстве своем факты именно бинарного членения, у нас есть основания полагать, что бинарное членение является основным средством и познания, и стихийного «языкового строительства».

Прямым доказательством «бинарного языкового строительства» является отступление от уже известного языкового явления только на один шаг: новые знаки создаются на базе уже известных знаков. Об этом пишут М. М. Покровский, Дж. Лайонз, Б. А. Серебrenников, Л. К. Граудина, Э. Карстейрс-Маккарти, С. А. Бурлак [22, с. 28; 20, с. 27-28; 28, с. 76-111; 13, с. 17; 33; 5, с. 372]. Неизбежность связи новых, номинируемых фактов мышления и языка со старыми, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении мышления и языка к порядку. Понятие порядка основывается на универсальных логических законах и противостоит понятию хаоса.

Не так давно У. Кэлвин применительно к стихийной организации грамматики выдвинул принцип «Ищи структуру в хаосе», но сам не придал ему решающего значения, поскольку согласился со своим соавтором Д. Бикертоном в том, что поиск структуры в виде обобщения грамматических правил не создает грамматику хотя бы потому, что грамматика создается в пиджине, где нет никаких правил [32, р. 33]. По мнению многих лингвистов, У. Кэлвин недооценил значимость для грамматики указанного принципа и преувеличил хаотичность пиджинов, поскольку пиджин с отсутствующими в нем правилами грамматики представляет собой такой хаос, в котором человек обречен искать структуру, что, собственно, и приводит к такому явлению, как креолизация пиджинов, то есть к превращению их в хотя и лексико-грамматически смешанные, но уже языки.

С. А. Бурлак считает, что «поиск в структуре в хаосе» является отличительной особенностью познания человеком действительности: «Люди ухитряются усматривать структуру даже там, где ее гарантированно нет, например при заучивании случайного ряда цифр (так нередко запо-

минают номера телефонов)» [5, с. 132].

Понятие грамматических вариантов неизбежно выводит исследователей на идею выбора одного из сосуществующих вариантов при их восприятии, что в свою очередь обуславливает проблему критериев такого выбора, в когнитивной психологии называемую проблемой селективности восприятия и внимания. Этой проблеме посвящено множество психологических работ (см. об этом монографию Б.М. Величковского [6, с. 256-345]). Общим в них является понимание того, что при альтернативном восприятии может восприниматься множество признаков, но при этом происходит постепенный отсев признаков несущественных. Из этого следует, что различия между грамматическими вариантами могут быть сложными – имеющими множество признаков – только при первых, ознакомительных, восприятиях. При дальнейшем восприятии, после того как произошел отсев несущественных признаков, остаются лишь немногие опорные дифференциальные признаки (очень часто – только один), благодаря которым вариантная пара воспринимается как структура. Такой механизм отсева несущественных признаков и образования структур, безусловно, является свидетельством стремления воспринимающего к упорядочению воспринимаемой информации.

По мнению Л.А. Воронова, роль вариантов в истории языка «заключается не только в том, что они получают стилистическую или семантическую дифференциацию. Их большая роль, с нашей точки зрения, заключается в том, что они являются маленькими, но неизбежными ступеньками в постоянной трансформации системы языковых средств» [9, с. 11]. Ступенчатость трансформации трудно не признать проявлением упорядочения. Об этом говорит К. Ажек: «... языки демонстрируют способность человека упорядочивать континуум» [1, с. 144]. То есть в целом можно зафиксировать такую функцию грамматических вариантов, как упорядочение. Она коррелирует с понятием альтернативно-императивного восприятия [23, с. 37-39]. Если новая форма не дает новых возможностей, бесполезный вариант альтернативы императивно признаётся ненужным.

Когда новые возможности, представляемые новыми формами, имеются, происходит достраивание любой обновляемой сущности, в том числе грамматики. По мнению С.А. Бурак, «запоминание некоторого количества пар знаков, таких, что один из членов каждой пары является модификацией другого, дает возможность обобщить модификацию и применять ее впоследствии для создания новых знаков. Именно это делает коммуникативную систему «достраиваемой», то есть позволяет, зная небольшое количество исходных элементов и правил их преобразования, создавать неограниченное количество новых сообще-

ний» [5, с. 373]. В данном случае можно выделить такую функцию грамматических вариантов, как достраивание. Она коррелирует с понятием альтернативно-диспозитивного восприятия [23, с. 37-39]. Диспозитивность есть признание сосуществования вариантов.

Любое грамматическое новшество, являющееся некоторым видоизменением старого, то есть вариантным ему, составляет с вместе с этим базовым старым пару и тем самым упорядочивает (если отрицает старое) или, напротив, достраивает грамматику (если не отрицает старое, а выражает нечто новое). Несложно прийти к мысли, что условием упорядочения или достраивания языка может быть только коммуникативная потребность (которую не следует смешивать с коммуникативной целесообразностью: целесообразность – понятие, важное для применения готовых форм с известным значением, а потребность – понятие, важное для создания таких форм). Еще И.А. Бодуэн де Куртэнэ при разборе примеров исчезновения некоторых форм, например *тамо, како, тако* (с заменой их на *там, как, так*), предложил называть потребность в их исчезновении «психическим ударением», понимаемым как «относительная важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций» [4, с. 40]. Именно такое, но в более развернутом виде понимание потребности мы находим у Т.П. Ломтева: «Язык, отвечая на новые потребности обмена мыслями, может выдвинуть несколько грамматических средств на новые позиции. Они могут одновременно использоваться в системе языка для удовлетворения новой потребности» [21, с. 29-32]. М.Н. Кожина считает, что существует «закон возрастания вариативности в языке от низших уровней к высшим, обусловленный потребностями общения и природой мышления и обеспечивающий и другие средствами естественного человеческого языка» [18, с. 129-130]. По мнению, В.М. Солнцева, «вариантность является и следствием, и внутренним источником изменения и развития языка, которые в конечном счете определяются потребностями человеческой коммуникации» [30, с. 73]. Аналогичное понимание встречаем у Л.П. Катлинской: «Полностью синонимичные грамматические варианты становятся дублетами, между ними возникают отношения конкурентности, которые неизбежно ведут к вытеснению одного из вариантов. Сохранение обоих знаков в подобных случаях противоречило бы общему принципу потребности выражения (потребности коммуникативной функции)» [17, с. 177]. Понятие коммуникативной потребности имеет и обобщенно-социальный оттенок: «в целом язык всегда отвечает потребностям пользующегося им коллектива, и в этом смысле обогащение языка идет параллельно с общественным прогрессом» [27, с. 55].

Существенной поддержкой идее коммуникативной потребности является тот факт, что, каким бы ни было происхождение той или иной пары грамматических вариантов, узус, образно говоря, никогда не оглядывается назад, чтобы вспомнить об этом происхождении и именно в связи с ним осуществить выбор варианта. Узус не ретроспективен – он перспективен: присваивая языковому явлению новую характеристику, он руководствуется насущной коммуникативной потребностью.

В результате предпринятого обзора несложно прийти к выводу, что функциями грамматических вариантов являются императивное упорядочение и диспозитивное достраивание при условии существования коммуникативной потребности в таких упорядочении и достраивании. Грамматические варианты действительно находятся на переднем крае изменения грамматики, и осознание этого факта является методологически важным при ортологическом «вершении» их судеб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. – 296 с.
3. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю.А. Бельчиков. – М.: АСТ--ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Лингвистические заметки и афоризмы / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 33-55.
5. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. М.: Астрель CORPUS, 2011. – 464 с.
6. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. / Б.М. Величковский. – Т. 1. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
7. Веселитский В.В. Норма и вариант / В.В. Веселитский // Русский язык в школе. – 1967. – № 5. – С. 30-36.
8. Виноградов В.В. О формах слова / В.В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 33-50.
9. Воронов А.Л. Варианты слов в немецком языке: Учеб. пособие по стилистике и теоретической грамматике / А.Л. Воронов. – Горький: б. и., 1973. – 218 с.
10. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Предисл. Р.О. Якобсона / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та,

1984. – 1330 с.

11. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 8-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.

12. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин / К.С. Горбачевич. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 240 с.

13. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л.К. Граудина. – М.: Наука, 1980. – 288 с.

14. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд., испр. и доп. / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М.: Наука, 2001. – 557 с.

15. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.

16. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.

17. Катлинская Л.П. Принцип экономии и грамматические варианты (об одном аспекте нормализации) / Л.П. Катлинская. – Языковая норма и статистика. – М.: Наука, 1977. – С. 173-188.

18. Кожина М.Н. Вариативность языка в функционально-стилистическом аспекте / М.Н. Кожина // Вариативность как свойство языковой системы (тезисы докладов). – Ч. 1. – М.: Наука, 1982. – С. 129-130.

19. Крысин Л.П. Современная литературная норма и ее кодификация / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 2002. – № 1. – С. 82-87.

20. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Пер. с англ. И.А. Муравьевой и Е.Г. Устиновой / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.

21. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.

22. Покровский М.М. Значение сравнительного языковедения для классической филологии / М.М. Покровский // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 15-60.

23. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С.Л. Попов. – Харьков: НТМТ, 2013. – 150 с.

24. Ремнева М.Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы / М.Л. Ремнева. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 143 с.

25. Рогожникова Р.П. Варианты слов в рус-

ском языке / Р. П. Рогожникова. – М.: Просвещение, 1966. – 160 с.

26. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – 4-е изд., испр. / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1977. – 316 с.

27. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. Лексика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – 188 с.

28. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 319 с.

29. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г.Я. Солганик. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.

30. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев / / Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). – Ч. 2. – М.: Наука, 1982. – С. 71-73.

31. Шкляревский Г.И. История русского литературного языка (Первая половина XVIII века). Цикл лекций / Г.И. Шкляревский. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1968. – 120 с.

32. Calvyn W.H. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain* / W.H. Calvyn, D. Bickerton. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 298 p.

33. Carstairs-McCarthy A. *The evolutionary origin of morphology* / A. Carstairs-McCarthy // *Language origins: Perspectives on evolution* / Ed. by Tallerman M. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – P. 166